

Дж. Д. Сэлинджер
—
Девять рассказов

**Nine
Stories**
J. D. Salinger

Москва
2022

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Coe)-44
С97

NINE STORIES by J.D. Salinger. Copyright © 1948, 1949, 1950, 1951,
1953 by J.D. Salinger, RENEWED 1975, 1976, 1977, 1979, 1981
by J.D. Salinger
Russian language rights arranged with the J.D. Salinger Literary Trust
through the Andrew Nurnberg Literary Agency, Moscow, Russia.

Перевод с английского *М. Немцова*

Оформление серии *С. Костецкого*

С97 **Сэлинджер, Дж. Д.**
Девять рассказов / Дж. Д. Сэлинджер ; [перевод
с английского М. Немцова]. — Москва : Эксмо, 2022. —
256 с. — (Яркие страницы).

ISBN 978-5-04-116993-0

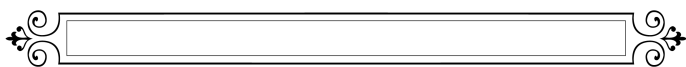
Писатель-классик, писатель-загадка, на пике карьеры объявивший об уходе из литературы и поселившийся вдали от мирских соблазнов в глухой американской провинции. Его книги, включая культовый роман «Над пропастью во ржи», стали переломной вехой в истории мировой литературы и сделались настольными для многих поколений бунтарей: от битников и хиппи до представителей современных радикальных молодежных движений.

«Девять рассказов» — это девять жемчужин в творчестве Сэлинджера. Недаром их создателя авторитетные литературные критики называют рассказчиком от бога. Его творчество — глубоко и значительно, речь — богата и блистательна, герои — искренни и незабываемы.

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-116993-0

© М. Немцов, перевод на русский
язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Дороти Олдинг и Гасу Добрано*¹

Нам известно, как звучит хлопок двух ладоней. Но как звучит хлопок одной?

*Дзэнский коан*²

САМЫЙ ДЕНЬ ДЛЯ БАНАБУЛЬКИ

Вотеле поселились девяносто семь рекламщиков из Нью-Йорка и так забили все междугородные линии, что девушке из 507-го пришлось ждать соединения с полудня чуть ли не до половины третьего. Однако времени она не теряла. Прочла в женском карманном журнале статью «Секс — развлечение. Или ад?». Вымыла щетку и расческу. Свела небольшое пятно с юбки бежевого костюма. Перешла пуговицу на блузке из «Сакса»³. Выдернула два свежих волоска, пробившихся из родинки. Когда телефонистка наконец

¹ Дороти Олдинг (1910—1997) — литературный агент Дж. Д. Сэлинджера. Гас Добрано — редактор разделов прозы и поэзии журнала «Нью-Йоркер» в 1940—1950-х гг.

² Коан «Одна рука» японского поэта, художника и проповедника Хакуина Осё (1685—1768).

³ «Сакс Пятая Авеню» — американский элитный универсальный магазин, основан в 1898 г.

вызвала девушки́н номер, та сидела в нише окна и докрашивала ногти на левой руке.

Такие девушки́ совершенно ничего не станут бросать, если звонит телефон. У таких, судя по всему, телефон не умолкает с наступления поло-возрелости.

И вот телефон разрывался, а она подвела кисточку к ногтю мизинца и очертила контур лунки. После чего закрыла пузырек и, встав, помахала в воздухе левой — невысохшей — рукой, туда-сюда. Затем сухой рукой взяла из оконной ниши уже полную пепельницу и перенесла на тумбочку, где стоял телефон. Села на заправленную узкую кровать и — на пятом или шестом звонке — сняла трубку.

— Алло, — сказала она, отставив левую руку подальше от белого шелкового халата, который только на ней и был — да еще шлепанцы: кольца остались в ванной.

— Нью-Йорк вызывали, миссис Гласс? На проводе, — сказала телефонистка.

— Спасибо, — ответила девушка и пристроила пепельницу на тумбочке.

Пробился женский голос:

— Мюриэл? Ты?

Девушка слегка отвернула трубку от уха.

— Да, мама. Ты как? — ответила она.

— Я до смерти за тебя переживала. Ты почему не позвонила? У тебя все хорошо?

— Я пыталась дозвониться вчера вечером и позавчера. Здесь телефон...

— У тебя все хорошо, Мюриэл?

Девушка увеличила угол между ухом и трубкой.

— Все прекрасно. Только жарко. Такой жары у них во Флориде не бывало с...

— Ты почему не позвонила? Я до смерти за...

— Мама, дорогая моя, не ори на меня. Я прекрасно тебя слышу, — сказала девушка. — Вчера вечером я звонила дважды. Один раз прямо после...

— Я и отцу твоему сказала вчера вечером, что ты, наверное, позвонишь. Так нет же, он... У тебя все хорошо, Мюриэл? Скажи правду.

— У меня прекрасно. И хватит уже спрашивать.

— Вы когда доехали?

— Откуда я знаю? В среду утром, рано.

— Кто вел?

— Он, — ответила девушка. — И не дергайся. Вел он очень славно. Я даже поразилась.

— Он вел? Мюриэл, ты дала мне слово, что...

— Мама, — перебила девушка. — Я же говорю. Он вел машину очень славно. Вообще-то не больше пятидесяти всю дорогу.

— А с деревьями не глумил, как раньше?

— Я же сказала, мама, он очень славно вел. Ну пожалуйста. Я попросила его держаться поближе к белой полосе и все такое, и он меня понял и держался. На деревья даже старался не смотреть, я видела. Кстати, папа машину починил?

— Нет еще. Требуют четыреста долларов только за...

— Мама, Симор сказал папе, что заплатит за ремонт. Незачем...

— Ну, посмотрим. Как он держался — в машине, ну и в целом?

— Нормально, — ответила девушка.

— Обзывал тебя этой жуткой...

— Нет. У него теперь кое-что новенькое.

— Что?

— Ох, да какая разница, мама?

— Мюриэл, я хочу знать. Твой отец...

— Ладно, ладно. Он зовет меня мисс Духовная Гулёна-1948, — ответила девушка и хихикнула.

— Ничего смешного, Мюриэл. Совершенно ничего. Это кошмар. А вообще — грустно. Как подумаю, что...

— Мама, — перебила девушка. — Послушай меня. Помнишь книгу, которую он мне прислал из Германии? Ну эту — немецкие стихи. Куда я ее задевала? Ума не...

— Она где-то у тебя.

— Точно? — спросила девушка.

— Разумеется. То есть где-то у меня. В комнате у Фредди. Ты ее бросила тут, а у меня не было места в... А что? Она ему нужна?

— Нет. Но он про нее спрашивал, когда мы ехали. Прочла я или нет.

— Она же на немецком!

— Да, моя дорогая. Это без разницы. — Девушка закинула ногу на ногу. — Он говорит, стихи

эти, оказывается, написал единственный великий поэт нашей эпохи. Говорит, надо было перевод купить или как-нибудь. Или выучить язык, если угодно.

— Кошмар. Кошмар. А вообще — грустно, вот что. Твой отец вчера вечером сказал...

— Секундочку, мама, — сказала девушка. Сходила к окну за сигаретами, закурила, вернулась к кровати. — Мама? — спросила она, выдыхая дым.

— Мюриэл. Так, послушай меня.

— Я слушаю.

— Твой отец разговаривал с доктором Сивецки.

— Так? — сказала девушка.

— Он все ему изложил. По крайней мере, мне он так сказал — ты же знаешь своего отца. Про деревья. Эту историю с окном. Весь этот кошмар, что он бабушке наговорил про ее виды на кончину. Что он сделал с этими славными снимками с Бермуд — все.

— И? — сказала девушка.

— И. Во-первых, тот ответил, что выпустать его из госпиталя — это было преступление армии, слово чести. Он весьма определенно сказал твоему отцу, что есть немалая возможность — очень большая возможность, как он сказал, — что Симор совершенно утратит контроль над собой. Даю слово чести.

— Здесь в отеле есть психиатр, — сказала девушка.

— Кто? Как его фамилия?

— Откуда я знаю? Ризер или как-то. Говорят, очень хороший.

— Никогда не слышала.

— Но он все равно, говорят, очень хороший.

— Мюриэл, пожалуйста, не хаами. Мы за тебя очень переживаем. Вообще-то вчера вечером отец хотел вызвать тебя телеграммой дом...

— Мама, я сейчас домой не поеду. Так что успокойся.

— Мюриэл. Слово чести. Доктор Сивецки сказал, что Симор может совершенно утратить кон...

— Я только что приехала, мама. Это у меня первый отпуск за много лет, и я не собираюсь все упаковать обратно и мчаться домой, — сказала девушка. — И я все равно сейчас дороги не перенесу. Я так обгорела, что хожу с трудом.

— Ты на солнце обгорела? Ты что, не мазалась этим «Бронзом», я же тебе положила? Я в сумку прямо...

— Мазалась. Но сгорела все равно.

— Кошмар. И где ты сгорела?

— Везде, дорогая моя, везде.

— Кошмар.

— Выживу.

— Скажи мне, а ты с этим психиатром говорила?

— Ну как бы, — ответила девушка.

— И что он сказал? Где был Симор, когда вы разговаривали?

— В Океанском салоне, на пианино играл. Он оба вечера, что мы тут были, играл.

— Ну, и что он сказал?

— Ой, да ничего такого. Сначала со мной сам заговорил. Я вчера вечером на бинго рядом с ним сидела, и он спросил, не муж ли это мой играет в соседнем зале на пианино. Я говорю, да, муж, а он спрашивает, он что, заболел. А я говорю...

— А почему он спросил?

— Откуда я знаю, мама? Наверное, Симор бледный такой, — сказала девушка. — В общем, после бинго они с женой позвали меня выпить. Я и пошла. Жена у него просто жуть. Помнишь это кошмарное вечернее платье, мы его в витрине «Бонуита»¹ видели? Ты про него еще сказала, что к нему нужно маленькую, просто крохотную...

— Зеленое?

— Вот в нем она и ходит. Там одни ляжки. Она у меня все спрашивала, не родственник ли Симор той Сюзанне Гласс, у которой магазин на Мэдисон-авеню, шляпный.

— Но что же он сказал? Врач.

— А. Ну, в общем, ничего такого. То есть мы же в баре сидели и прочее. Там жуткий шум.

— Да, но... но ты ему рассказала, что он пытался сделать с бабушкиным креслом?

— Нет, мама. Я не очень вдавалась в подробности, — ответила девушка. — Может, еще получится с ним поговорить. Он торчит в баре целыми днями.

¹ «Бон у и т - Т е л л е р» — элитный универсальный магазин, основанный Полом Бонуитом в 1895 г. Закрылся в начале 1980-х гг.

— А он не сказал, возможно ли, чтобы... ну, ты понимаешь — он чудить, скажем, начал? С тобой что-нибудь сделал?!

— Вообще-то нет, — ответила девушка. — Ему нужно побольше фактов, мама. Им же про детство надо все вызнать — вот в этом смысле. Я же сказала, нам едва удалось вообще поговорить, такой там шум стоял.

— М-да. Как твоё синее пальто?

— Нормально. Я часть набивки вытащила.

— А что вообще с одеждой в этом году?

— Жуть. Но инопланетная. В общем, сплошные блески, — сказала девушка.

— Как номер?

— Нормально. Но и только. Тот, что у нас до войны был, не дали, — сказала девушка. — Люди в этом году кошмарные. Ты бы видела, что с нами в ресторане сидит. За соседним столиком. Будто на самосвале приехали.

— Ну что, сейчас так повсюду. Как балерина?

— Слишком длинная. Я же говорила, она слишком длинная.

— Мюриэл, я только ещё раз у тебя спрошу — с тобой правда все хорошо?

— Да, мама, — ответила девушка. — В девяностый раз.

— И ты не хочешь вернуться домой?

— Нет, мама.

— Твой отец вчера вечером сказал, что он с большой радостью заплатит, если ты поедешь куда-нибудь одна и все обдумаешь. Можно от-

правиться в очень славный круиз. Мы оба подумали...

— Нет, спасибо, — сказала девушка и сняла ногу с ноги. — Мама, этот звонок будет сто...

— Как вспомнишь, что ты всю войну этого мальчика ждала... то есть, как подумаешь про всех этих полоумных женушек, которые...

— Мама, — сказала девушка, — давай закружиться. А то Симор зайдет.

— А он где?

— На пляже.

— На пляже? Без присмотра? Он хорошо себя ведет на пляже?

— Мама, — сказала девушка, — ты говоришь о нем так, словно он буйный...

— Ничего подобного я не говорила, Мюриэл.

— Ну, так это прозвучало. Он же там просто лежит. В халате даже.

— В халате? Почему?

— Откуда я знаю? Наверное, потому что бледный.

— Господи, да ему нужно солнце. А заставить, чтоб снял, нельзя?

— Ты же его знаешь, — ответила девушка и вновь скрестила ноги. — Говорит, не желает, чтобы все это дурачье паялилось на его татуировку.

— Но ведь у него нет никакой татуировки! Он что, в армии сделал?

— Нет, мама. Нет, дорогая моя. — Девушка встала. — Послушай, я, наверное, завтра тебе позвоню.

— Мюриэл. Так, послушай меня.

— Что, мама? — сказала девушка и переступила на правую ногу.

— Позвони мне, как только он сделает или скажет что-нибудь чудное — сама понимаешь. Ты меня слышишь?

— Мама, я Симора не боюсь.

— Мюриэл, я хочу, чтобы ты мне пообещала.

— Ладно, обещаю. До свиданья, мама, — сказала девушка. — Папу целуй. — Она повесила трубку.

— Синь мой глаз, — говорила Сибил Карпентер — она жила в отеле с матерью. — Ты видала, где синь мой глаз?

— Киска, прекрати. Ты мамочку просто с ума сводишь. Сиди, пожалуйста, спокойно.

Миссис Карпентер мазала плечи Сибил маслом для загара, втирала его в хрупкие крылышки лопаток. Сибил шатко примостилась на огромном надувном мяче лицом к океану. На ней был купальник канареечного цвета — верхняя часть его девочке все равно не понадобилась бы еще лет девять-десять.

— Оказалось, обычный шелковый платок — вблизи очень хорошо было видно, — произнесла женщина в шезлонге рядом с миссис Карпентер. — Но вот как она его завязала? Такая прелесть.

— Похоже на то, — согласилась миссис Карпентер. — Сибил, не дергайся, котенок.

— Ты видала, где синь мой глаз? — спросила Сибил.

Миссис Карпенгер вздохнула.

— Ну хорошо. — Она завернула колпачок на пузырьке масла. — Теперь беги играй, котенок. А мама пойдет в отель и выпьет мартини с миссис Хаббел. Принесу тебе оливку.

Очутившись на свободе, Сибил мигом помчалась к равнине пляжа и дальше, к Рыбацкому павильону. Остановилась только сунуть ногу в руины замка из мокрого песка, а вскоре и вообще оказалась за территорией для постояльцев.

Она прошла так с четверть мили, затем вдруг как-то боком понеслась по мягкому песку. И остановилась там, где лежал на спине молодой человек.

— Ты в воду пойдешь, синь мой глаз? — спросила она.

Молодой человек вздрогнул, правая рука его дернулась к отворотам махрового халата. Он перевернулся на живот, с глаз его спала колбаса полотенца, и он сощурился на Сибил.

— Эгей. Привет, Сибил.

— Ты в воду пойдешь?

— Я тебя ждал, — ответил молодой человек. — Что нового?

— Что? — спросила Сибил.

— Нового что? Что у нас в программе?

— Мой папа завтра прилетает на самом лёте, — ответила Сибил, пиная песок.